

Все полагали, что императрица У стремится самое большее к тому, чтобы стать «вдовствующей императрицей». Но Ваньэр знала: намерения императрицы У простираются куда дальше двух этих иероглифов. Ни одна женщина, довольствующаяся лишь титулом вдовствующей императрицы, не стала бы намеренно, в присутствии мужа, облачаться в парадное одеяние и сидеть в кабинете над докладами. Ни одна не стала бы настаивать на участии женщин в обряде Фэншань. Ни одна не стала бы постоянно величать себя «Чжэнь» и требовать статуса, равного статусу своего супруга.

С тех пор как императрица У пришла к власти, она приказала Внутренней школе преподавать каноны и историю, назначала женщин-чиновников, предлагала установить трёхлетний траур по матери при живом отце, выделяла земельные наделы для женщин-дворовладелиц, позволяла своей младшей дочери учиться вместе с сыновьями...

В её сердце, должно быть, жила мысль: всё, что под силу мужчинам, под силу и женщинам. Просто быть «вдовствующей императрицей», существующей лишь по милости мужа и сына, — вряд ли такая участь могла её удовлетворить.

Именно потому она и сказала Ваньэр те слова: «Желаю обрести верных слуг как опору, дабы вместе создать эпоху нерушимого мира». Так говорит великий правитель, а не просто «вдовствующая императрица».

Однако Ваньэр не знала, были ли её речи о различии «Пути» и «методов», об этом честолюбивом будущем — искренним порывом или лишь искусной личиной.

Окажись её слова пустой болтовнёй — Ваньэр проиграла бы эту партию. Коварный человек не оставит рядом того, кто способен проникнуть в его замыслы. Если же её намерения подлинны, то, даже будучи разгаданной, она, хоть и станет подозревать и негодовать, начнёт ценить Ваньэр ещё больше — подобно императору Хань Гао-цзу, возвысившему Юн Чи. Разумеется, это ещё не означало бы, что ставка выиграна.

Ваньэр подняла голову и взглянула на императрицу. Молвят: широкий лоб — знак ума, полные щёки — знак удачи. Императрица У и впрямь соответствовала сему описанию, обладая и удачей, и мудростью. Но что это за удача — великое предначертание или малое везение? Что за мудрость — высшее разумение Святого или уловки недалёкого хитреца? И где же её собственная удача?

Императрица У вдруг рассмеялась и, указывая на каллиграфический свиток деда Ваньэр, промолвила:

— Коль уж ты так сказала, не наградить тебя будет неправильно. Этот свиток мне не удержать, забирай.

Ваньэр почтительно приняла свиток и почтительно поклонилась. Уже выходя, она услышала слова императрицы У:

— Отныне пребывай при мне постоянно. В делах семейных и государственных — не уклоняйся.

Ваньэр на миг ощутила облегчение. Во всяком случае, помимо литературных талантов, она снискала хоть каплю... внимания.

В пути я чувствовала себя вялой, но уснуть не могла. А-Хуань же, напротив, была бодра, разговаривала со мной и уговаривала:

— Поспи немного. Разобьём лагерь — тогда и поиграешь с ними.

Я отказалась, качнув головой. Она не стала настаивать, лишь усмехнулась:

— Что это ты сегодня такая послушная? Встала, даже не дождавшись, пока я разбужу. Я-то боялась потревожить, слезала с постели тихонько, а ты вдруг как вскочишь — у меня сердце так и захолонуло.

Я ответила:

— Приснился странный сон, вот и не спалось.

Она цокнула языком, улыбаясь:

— Расскажи-ка.

Теперь она и впрямь была похожа на подругу. Выражение лица, манера говорить — всё иное, прежнее. Лишь голос она нарочно приглушала, а в движениях её сквозила осторожность, будто она всё ещё боялась, что нас подслушают.

Мне нравилась такая она. Не хотелось смущать её рассказами о грядущем, потому я на ходу сочинила:

— Приснилось, будто по небу летят странные птицы, из железа. В каждой — человек двести-триста. И ещё божества. Живут они в дворцах высоченных, каждый — выше башен у ворот Гуаншунь. И умеют перемещаться в мгновение ока: из столицы в Восточную — за полдня, на огромных железных ящиках.

А-Хуань сказала:

— Это сон о бессмертных, а не странный. А как они выглядели, эти божества? В высоких шапках и широких одеяниях, словно из времён Хань и Вэй? Или просты да грубы, как люди древних трёх династий?

Я ответила:

— Нет. Выглядели как мы, разве что повыше... Нет, одежда у них самая обычная... руки, ноги — всё открыто.

Она округлила глаза:

— Даже женщины?

Я кивнула:

— Даже женщины. Девушки нашего возраста особенно любили одеваться полегче. Некоторые носили что-то вроде нательной одежды, на двух ленточках держится. А штанишки — вот такие короткие, примерно до сюда.

Я жестами изображала топы и шорты из прошлой жизни. Выражение лица Вэй Хуань становилось всё страннее, а когда я закончила, она вдруг рассердилась:

— Ли Тайпин, я согласилась быть твоей... подругой. Но даже муж с женой могут разойтись, что уж говорить о... подругах. Не переходи границы.

Я сперва не поняла:

— Я же просто сон рассказала. Какие тут границы?

Она глянула на меня, шлёпнула по руке и сказала:

— Думаешь, я не понимаю? Какие ещё божества, железные птицы, нательная одежда да исподнее? Это же сон скверный! Такое хоть и в мыслях держать стыдно, а ты вслух рассказываешь! И ещё жестами показываешь! Ты... ты просто издеваешься!

Я и представить не могла, что она подумает о таком. И смешно, и досадно.

— Не издеваюсь! Есть на свете такие места, где божества очень даже вольные. И мужчины, и женщины там к голым рукам да ногам привыкли, ничего в том особенного нет.

Она сказала:

— То ты про Страну женщин говорила, то про встречу с бессмертными. Кто разберёт, где ты правду говоришь, а где врёшь? Всё равно про края неведомые речь, куда тебе ни пожелается — туда и заведёшь!

Чувствовала я себя крайне несправедливо обиженной, а оправдаться не могла. От досады даже ногой притопнула:

— Не вру я! Там, на морском берегу, люди и вовсе почти голые ходят...

Лицо её залилось краской. Она гневно взглянула на меня, резко дёрнула рукой, накинула мила, надела вышитые туфли и вышла из повозки. Возница, не понимая, в чём дело, получил от неё объяснение:

— Принцесса говорит, я ей тесно. Велела верхом ехать.

Женщины-чиновники в свите всегда в почёте, а уж если из моей повозки вышли — и подавно. Тотчас же кто-то уступил ей коня, а сам отправился искать запасного.

Я лишь открыла дверь, чтобы её остановить, а она уже вскочила в седло. Пришлось вернуться на место, высунуться из окна наполовину и позвать:

— А-Хуань.

А-Хуань подтянула поводья, приблизившись:

— Что прикажете, Эрнян?

Я видела, что кругом люди, и ответила:

— Ничего. Смотри, поездка чтобы спокойной была.

Недовольно захлопнула окошко. Злилась и на себя, и на неё. Посидев так с минуту, услышала снаружи мужской голос, беседующий с А-Хуань. Тотчас же распахнула окно и увидела: Ли Жуй подъехал к ней и разговаривает. Когда я открыла окно, до меня долетело:

— ...как тебе тот винный сосуд? Если понравился, ещё прикуплю.

Кровь бросилась в голову. Не раздумывая, выпалила:

— Какой винный сосуд? Тот, что на мосту Тяньцзинь покупали? Ты его А-Хуань подарил?

Ли Жуй обернулся и рассмеялся:

— А ты помнишь.

Подтянул поводья и крикнул:

— Чего в повозке сидишь? Выходи, проедемся!

А-Хуань сбоку добавила:

— Императрица изволила сказать: на дороге тряско, не позволила Эрнян верхом ездить.

Ли Жуй промычал что-то вроде «ага». Я же была вне себя от досады. Окошко тесное, говорить неудобно. Вылезла вперёд, выпроводила сидевшего у двери слугу, сама уселась справа, свесилась и спросила у А-Хуань:

— Какой винный сосуд?

Она прекрасно знала, о чём я, но делать вид, что не слышит. Ли Жуй сказал:

— Забирайся внутрь, я тебе расскажу.

Помог мне забраться в повозку и, пригнувшись к окошку, зашептал:

— Это не Вэй Хуань, а той служанке, что в твоём западном дворце пыль обтирает, — Чуэр. Знаю я, что Вэй Хуань для тебя важна, беспокоить не хотел. Но в твоих покоях я лишь с ней знаком, вот и попросил передать. Хотел щедро отблагодарить, да подумал: всё ж твоя служанка. Потому тебе и докладываю. Пятьдесят штук шёлка я ей дал за передачу вещицы, а не за то, что она за твоей спиной с кем-то снюхалась.

Тут только я поняла, что ошиблась. Виновать А-Хуань не могла, потому сердито уставилась на Ли Жуя:

— Чего это ты не к своей супруге милой ластишься, а к моим людям опять примазываешься? Женат не был — ладно. А теперь, как женился, всё с моими вертишься. Отца не боишься, что отчитает?

<http://bllate.org/book/16278/1466679>